

Давид Ираклиевич Гигаури,

кандидат политических наук, ведущий специалист управления научной работы Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (Россия), e-mail: dgigauri@lan.spbgasu.ru

Владимир Александрович Гуторов,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (Россия), e-mail: gut-50@mail.ru

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ В СТРУКТУРЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

В статье исследуются структурные основания исторической памяти как целенаправленного продукта политической мифологизации. На основе теоретического обзора концепций коллективной и исторической памяти авторы разрабатывают методологию описания структурных компонентов и динамики исторической политики государства, позволяющую выявить ключевые для построения политической идентичности сообщества и конструирования социально-политической реальности мифологемы. Доказано, что демократические институты современных государств используют символический потенциал политического мифа в реализации дискурса легитимации, опирающегося на ресурс истории и коллективных воспоминаний, вписанных в мифопанораму национального сообщества. Артикулирован опыт применения мифотворчества в структуре символической политики государства.

Ключевые слова: *политический миф, историческая память, политика памяти, репрезентация прошлого, коллективная память, национальная идентичность, мифопанорама.*

David Iraklievich Gigauri,

Kandidat of Political Science, Leading Specialist, Division of Scholarly Studies, St. Petersburg State University of Architecture and Construction (Russia), e-mail: dgigauri@lan.spbgasu.ru

Vladimir Alexandrovich Gutorov,

Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Program on Theory and Philosophy of Politics, Political Science Department, St. Petersburg State University (Russia), e-mail: gut-50@mail.ru

POLITICAL MYTH IN THE STRUCTURE OF HISTORICAL MEMORY

This article investigates the structural bases of historical memory as a purposeful production of political mythologization. On the basis of a theoretical review of the concepts of collective and historical memory, the authors develop a methodology for describing the structural components and dynamics of a state's historical politics that make it possible to identify the key myths used in building a political identity for the community and constructing a sociopolitical reality for the mythologem. The article demonstrates that the democratic institutions of modern states rely on the symbolic potential of political myth in the implementation of the discourse of legitimation based on the resource of history and collective memories inscribed in the mythscape of the national community. The authors further elaborate the experience of applying mythmaking in the structure of the symbolic policy of the state.

Key words: *political myth, historical memory, politics of memory, representation of the past, collective memory, national identity, mythscape.*

Проблематика исторической памяти как конструкта, ключевого и необходимого для построения современного феномена коллективной идентичности, привлекает все больший общественно-научный интерес, наряду с изучением таких практик конструирования социальной памяти крупных политических сообществ, как политика памяти, историческая политика, политизация истории, политика идентичности и т.д. Об этом свидетельствует большой корпус литературы, дающей представление о том, как ресурс прошлого актуализируется в сложно дифференцированном публичном коммуникативном пространстве современной политики.

Однако именно широкий диапазон проблематики работ позволяет выявить некоторые нерешенные и спорные проблемы методологии и терминологии исследований по исторической памяти. Политический миф выступает центральной категорией при изучении исторического сознания наций, политической идентичности гражданских сообществ, структуры коллективной и исторической памяти. Структурирующая роль политической мифологии в работе властных элит с социальной памятью, опирающаяся в том числе и на ресурс истории, требует отдельного исследования, которое ранее в научном дискурсе *memory studies* не предпринималось. Авторы статьи также попытаются теоретически разграничить основные понятия, имеющие отношение к изучению коллективной памяти.

В своем исследовании, посвященном коллективной памяти, Г. Файн проводит разделение между объективистским, функционалистским и конструктивистским подходами к изучению интересующей нас проблематики. Объективная история предполагает мир,

наполненный фактами, которые можно эмпирически обосновать. Функционалистский подход рассматривает историю как результат рефлексии социально-политической организации (или социальной власти). Третий подход предполагает, что история есть социально конструируемый продукт. Г. Файн утверждает, что историческая память не застыла в функциональных потребностях групп в настоящем и не покоится на объективных событиях в прошлом, напротив, история — это постоянная современная борьба за смыслы и интерпретации, и именно поэтому конструктивистский подход позволяет выявить работу элит с памятью, которая находит свое отражение в символической политике¹.

Конструктивисты утверждают, что коллективная память предполагает конкуренцию. Изучение коллективной памяти с позиций конструктивизма — это исследование социально-политических мотивов тех групп, которые получают ресурсы, власть или престиж путем установления собственной версии истории. Достоинство этого подхода, необходимо отметить, состоит в том, что он позволяет изучать влияние разных групп (не только государства), которые стратегически конструируют коллективные воспоминания через переговоры и конфликт, институционализируют свое видение прошлого, соревнуясь друг с другом².

Большинство исследований исторической памяти в политологии, в особенности те из них, которые направлены на изучение предметного поля, обозначаемого авторами как «историческое знание», страдают двумя ограничениями: во-первых, они остаются «историями идей» и редко направлены на изучение того воздействия, которое эти концепты оказывают на политические решения; во-вторых, эти исследования сосредотачиваются, как правило, на национальном, а не на региональном уровне, поскольку историческая память определяется как «национальное историческое знание».

Чтобы преодолеть эти ограничения, политологи должны прежде всего иметь дело с тем влиянием, которое идеи, сосредоточенные в исторической памяти, оказывают на процесс нациестроительства, принятия решений и международные отношения. Затем политология должна не только изучать центральный уровень построения идентичности в государстве, но и сосредоточиться на изучении исторической памяти региональных и этнических групп.

¹ *Fine G.* Difficult Reputations: Collective Memories of the Evil, Inept, and Controversial. Chicago: University of Chicago Press, 2001. P. 9. Ср.: *Гуморов В.А.* К вопросу о происхождении государства: парадоксы и аномалии современных интерпретаций // Полис: Политические исследования. 2014. № 3. С. 91–110.

² *Kubal T.* Cultural Movements and Collective Memory: Christopher Columbus and the Rewriting of the National Origin Myth. New York: Palgrave Macmillan, 2008. P. 4.

То, как общество публично вспоминает свое прошлое, является частью политической борьбы. Граница между историей и памятью зачастую бывает размытой, поскольку группы пытаются присвоить историю (объективные события из прошлого), чтобы создать воспоминания (субъективные нарративы о прошлом, которые подтверждают необходимые интерпретации настоящего). Этот процесс может быть изучен эмпирически.

Сильная связь между коллективной памятью и историей особенно важна в образовательной системе государства. Создание коллективной памяти общества является неотъемлемой частью процесса нациестроительства. При этом первичными институтами, транслирующими национальные нарративы о прошлом, являются общеобразовательные школы. Все национальные государства, от демократий западного типа до недемократических обществ, уделяют большое внимание обучению своей национальной истории с целью консолидации связи между отдельным гражданином и его родиной. Анализируя происходящие из культурных различий конфликты, Д. Эллер предположил, что коллективное прошлое и система ценностей также являются основным материалом для конструирования этничности групп³. Именно коллективная память о прошлом объединяет людей вместе.

Наиболее очевидным образом это проявляется в ситуации политических преобразований. По утверждению Р. Эванса, «история редко кажется столь острой и актуально важной, как в моменты внезапных политических транзитов из одной государственной формы в другую»⁴. В постсоветских странах Восточной Европы политические переходы часто требовали, среди всего прочего, переписывания школьных учебников истории.

Согласно Пеннебейкеру, сильные коллективные воспоминания, будь то реальные или выдуманные, могут лежать в основании конфликтов, предрассудков, идей национализма и культурных идентичностей⁵. Смит убежден, что этнические, национальные или религиозные идентичности построены на исторических мифах,

³ *Eller J.D.* From Culture to Ethnicity to Conflict: An Anthropological Perspective on International Ethnic Conflict. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1999. P. 8–10. Ср.: *Гуморов В.А.* «Русский вопрос» и Первая мировая война: о некоторых тенденциях современных интерпретаций // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. 2014. Т. 10. № 2. С. 21–29; *Он же.* Россия в Первой мировой войне: традиция русской общественно-политической мысли в свете современных интерпретаций // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. Вып. 4. С. 384–403.

⁴ *Evans R.* Introduction: Redesigning the Past: History in Political Transitions // *Journal of Contemporary History.* 2003. Vol. 38. No. 1. P. 5–12.

⁵ *Pennebaker J.* Introduction // *Collective Memory of Political Events* / Eds. J.W. Pennebaker, D. Paez, B. Rimé. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. P. VII.

которые определяют несколько значимых для самоидентификации политического сообщества смысловых моментов, а именно: кто является членом группы, что означает быть членом группы, и еще, как правило, кто является врагом группы⁶.

Как отмечает Д. Белл, большинство исследований, посвященных политике памяти, сосредоточены на том, как возникают, воспроизводятся и оспариваются национальные идентичности⁷. Некоторые ученые примордиалистской направленности утверждают, что коллективная память и идентичность основаны на узах крови, родства, языка и общей истории: «Передаваясь из поколения в поколение, история и память формируют у граждан чувство сопричастности к единому сообществу, наделяют государства идентичностью и транслируют ценности и цели, которые очерчивают будущее страны во имя ее прошлого»⁸.

Так, исследователь идентичности В. Волкан определил «избранную травму» (ужасы прошлого, которые отбрасывают тень на будущее) и «избранную славу» (мифы о славном будущем, часто рассматриваемые как инсценировки славного прошлого) в качестве элементов развития групповой идентичности⁹. По его мнению, группа инкорпорирует ментальные репрезентации травматического события в свою идентичность, что приводит к межпоколенческой передаче исторической вражды. «Избранная травма» группы состоит из переживаний и опыта, которые «символизируют глубокие угрозы и страхи этой группы посредством чувств безнадежности и ощущения себя жертвой». Таким образом, группа бессознательно определяет свою идентичность, проникаясь памятью о травме предков.

Рост интереса к проблематике национальной идентичности связан с возникновением в 1990-е гг. социологического конструктивизма, который стал рассматривать национальную идентичность как определяющий фактор национальных интересов, которые, в свою очередь, определяют политику и действия государства¹⁰. Конструктивисты склонны рассматривать идентичность как не-

⁶ *Smith A.D.* The Ethnic Revival. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 66–67; *Idem.* The Ethnic Origins of Nations. Oxford: Basil Blackwell, 1986. P. 147.

⁷ *Bell D.* Introduction: Memory, Trauma and World Politics // *Memory, Trauma and World Politics: Reflections on the Relationship between Past and Present* / Ed. D. Bell. New York: Palgrave, 2006. P. 3.

⁸ *Gong G.W.* Memory and History in East and Southeast Asia. Washington: The CSIS Press, 2001. P. 26.

⁹ *Volkan V.D.* Bloodlines: From Ethnic Pride to Ethnic Terrorism. New York: Farrar, Straus & Giroux, 1997. P. 48.

¹⁰ *Callahan W.A.* History, Identity and Security: Producing and Consuming Nationalism in China // *Critical Asian Studies*. 2006. Vol. 38. No. 2. P. 184.

кую производную, интеллектуальный продукт, нежели чем своего рода трансцендентальную данность. Большинство сторонников данного подхода подчеркивают, что этническая принадлежность и идентичность социально конструируются, а конкретные люди (как правило, это групповые элиты) сами выбирают историю и общее происхождение, так же, как и обнаруживают у себя отличия от других. Как утверждает Р. Брубейкер, «в конструктивистских исследованиях коллективной памяти подчеркивается ковкость и податливость прошлого в руках современных предпринимателей от культуры и политики»¹¹.

В своей работе «Прошлое — чужая страна» американский историк и географ Дэвид Лоуэнталь утверждает, что именно мы, современники, конструируем наше прошлое, избирательно и исходя из множества различных причин и насущных потребностей¹². Об этом рассуждал М. Хальбвакс, утверждая, что формирование коллективной памяти происходит в согласии с современными идеями и заботами¹³. Прошлое (ре)конструируется в зависимости от проблем и потребностей настоящего. Соответственно, историческая политика, проводимая государством, направлена на высвечивание и «забывание» определенных событий в коллективной памяти общества, в зависимости от текущего политического курса и повестки дня.

Работа с исторической памятью направлена на конструирование или же воспроизведение уже существующих мифов, необходимых для консолидации сообщества и гражданского согласия в отношении значимых идей и актуальных решений, проводимых властными элитами и государством. Именно поэтому миф необходимо тщательно отличать от того, как он трактуется в повседневной речи (как ложное убеждение, история, не соответствующая действительности) и некоторых антропологических исследованиях, в которых мифы воспринимаются как бесспорные и неоспариваемые нарративы, лежащие в основе происхождения сообщества.

Мифологизация как элемент политической культуры многими исследователями рассматривается в технологическом аспекте, например, как инструмент эффективной политической пропаганды. Опираясь на структурно-функциональный анализ, большинство авторов описывают механизм влияния мифологизации на массовое сознание и факторы, способствующие ее эффективности. Данную

¹¹ Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 21.

¹² Lowenthal D. The Past Is a Foreign Country. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

¹³ Halbwachs M. On Collective Memory. Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 224.

традицию заложили такие классики исследования роли мифологии в общественной жизни, как Ж. Сорель и Э. Кассирер¹⁴.

Сила, уникальность и универсальность мифологизации как составной части технологического арсенала пропаганды заключаются в том, что миф мотивирует и мобилизует деятельность социальной группы или сообщества в правильном для субъекта мифотворчества направлении. Более того, эффективность мифологизации как пропагандистской технологии обусловлена тем, что она заставляет большинство людей некритично воспринимать символические и воображаемые объекты как реальные. Полезность мифологизации выражается в том, что она предлагает массовому сознанию концептуальные ориентиры, которые помогают справиться со страхами и неопределенностью в лице всякого рода угроз, особенно в периоды нестабильности и кризиса.

Одним из аспектов политики памяти является конструирование истории, выбор событий, о которых ведется повествование в официальном дискурсе, а также выбор целей и способа самого повествования. Относительно каждого события в истории конструируется определенный миф. Поскольку индивидуальная память человека неспособна охватить всю совокупность исторических событий ввиду непродолжительности существования самого носителя памяти, индивидуальная память подпитывается памятью социальной или коллективной.

Совокупность коллективных воспоминаний общества о важнейших исторических событиях образует историческую память, которая создается, регулируется и транслируется такими акторами, как государство, интеллектуальные сообщества, историки, журналисты, преподаватели университетов, общественные деятели, движения и т.д., т.е. субъектами, которые П. Бурдьё именовал «символическими элитами»¹⁵. Во многом благодаря сугубо символической природе власти политическая мифология воздействует на конструирование государственной истории (официального исторического дискурса) или на проведение исторической политики государства¹⁶.

Следуя творческой интенции Д. Белла, под мифами мы понимаем «весьма упрощенные нарративы, предписывающие фиксированные и когерентные значения выбранным событиям, людям и местам, как

¹⁴ Сорель Ж. Размышления о насилии. М.: Фаланстер, 2013; Cassirer E. The Technique of the Modern Political Myths // Cassirer E. The Myth of the State. New Haven: Yale University Press, 1946. P. 277–296.

¹⁵ Бурдьё П. О символической власти // Бурдьё П. Социология социального пространства. М., СПб.: Алетейя, 2007. С. 87–96. См. также: Дейк Т.А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 55–57.

¹⁶ См.: Гуторов В.А. К вопросу о происхождении государства... С. 100.

реальным, так и мнимым»¹⁷. И в этом смысле мифы понятны, могут легко передавать свое содержание и смыслы, а также помогают конструировать или поддерживать конкретные способы видения себя, общества и мира (способы идентификации).

Мифы имеют важное значение для создания и поддержания наций, национальных сообществ и национальной идентичности. Представляя собой репрезентативные практики, мифы традиционно опираются на простые истории о золотом веке, о героических поступках, о неизмеримых страданиях и священных жертвах народа. Конец XIX в., когда возводились памятники и учреждались государственные праздники по всей Европе, рассматривается исследователями как первая волна «бума памяти». К примеру, День взятия Бастилии стал государственным праздником только в 1880 г., почти через столетие после фактического события. Согласно ведущему направлению в исследованиях памяти, второй «бум памяти» возник в США в 1980-х гг. и, предположительно, достиг своего пика в середине 1990-х гг.¹⁸

Д. Олик предположил, что недавняя волна извинений за преступления, которые государства совершили в прошлом, предвещает приход новой формы самолегитимации, политику сожаления, которая опирается на чувство вины, требование сожаления и на выставление напоказ позорных событий вместо прославления национального прошлого¹⁹.

Не соглашаясь с утверждением Д. Олика относительно того, что подъем апологетического дискурса обязательно является следствием упадка национального государства и националистических настроений, подчеркнем два важных сделанных им наблюдения: политика сожаления, отражающаяся в публичных извинениях, является новой формой самолегитимации и идентификации, а исторические нарративы вины играют жизненно важную роль в ее развитии и увековечивании.

Принимая эти утверждения, мы можем предположить, что историческая политика государства, как и проводимая политика памяти, подпадают под определение мифа, данное Д. Беллом, а именно: являются мифопанорамой, смысловой структурой символической политики. Используемые в публичных формах репрезентации мифы образуют дискурсивное пространство о прошлых событиях,

¹⁷ Bell D. *Agonistic Democracy and the Politics of Memory* // *Constellations*. 2008. Vol. 15. No. 1. P. 151.

¹⁸ Megill A. *Historical Knowledge, Historical Error: A Contemporary Guide to Practice*. Chicago: University of Chicago Press, 2007. P. 42.

¹⁹ Olick J.K. *The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility*. New York: Routledge, 2007. P. 137–140.

к которым они относятся. В целях достижения доминирования в публичном дискурсе и чтобы быть эффективными в создании идентичностей, мифы должны представлять из себя единственно истинные и легитимные нарративы о событиях, о которых идет речь.

В практиках коммеморации сильны мифические элементы, и связано это с тем, что идеи, репрезентируемые в конкретных публичных актах, связаны не столько с исторической точностью, сколько с притязаниями властных групп, их осуществляющих. Мифы обладают рядом важных качеств, позволяющих им эффективно работать с исторической памятью: прежде всего они упрощают исторический нарратив, что, в свою очередь, обеспечивает эффективную репрезентацию конкретного сообщества; миф — это особый вид дискурса, обладающий своей «правдой» и логикой, конструирующий идентичность, которая опирается на исторический нарратив.

Г. Руссо отметил, что за долгий период исследований концепт памяти стал настолько широко трактоваться, что теперь, кажется, он определяет «любой вид связи между прошлым и настоящим»²⁰. Однако недавние формулировки концепта памяти становятся более строгими и предметно очерченными, что позволило Э. Астрид говорить о начале третьей, в теоретическом и методологическом отношении более проработанной, волны в исследованиях памяти²¹.

Терминологическую ясность внесли различие Я. Ассманом коммуникативной и культурной памяти²², концепции коллективной и институциональной памяти Р. Лебова²³, размышления Д. Олика о собираемых воспоминаниях и коллективной памяти²⁴, идея запутанной памяти, представленная Г. Финдтом²⁵, и др. Тем не менее подобный язык в лучшем случае метафоричен, а в худшем — приводит к интеллектуальному замешательству относительно изучаемого феномена, поскольку «коллективные воспоминания», «коллектив-

²⁰ *Rousso H.* The History of Memory: Brief Reflections on an Overloaded Field // *Clashes in European Memory: The Case of Communist Repression and the Holocaust* / Eds. M. Blaive, C. Gerbel, and T. Lindenberger. Innsbruck: Studienverlag, 2011. P. 132.

²¹ *Astrid E.* Travelling Memory // *Parallax*. 2011. Vol. 17. No. 4. P. 4–18. Первая волна традиционно связывается с именем М. Хальбвакса и его работами «Социальные рамки памяти» (1925) и «Коллективная память» (1950). Вторая волна началась после публикации работ исследователей П. Нора и Я. Ассмана в 1980-х — начале 1990-х гг.

²² *Assmann J.* Collective Memory and Cultural Identity // *New German Critique*. 1995. No. 65. P. 125–133.

²³ *Lebow R.N.* The Memory of Politics in Postwar Europe // *The Politics of Memory in Postwar Europe* / Eds. R.N. Lebow, W. Kansteiner, C. Fogu. Durham: Duke University Press, 2006. P. 13.

²⁴ *Olick J.K.* Op. cit. P. 137.

²⁵ *Feindt G.* Entangled Memory: Toward a Third Wave in Memory Studies // *History and Theory*. 2014. Vol. 53. No. 1. P. 24–44.

ные идентичности» и «конструирование национальной памяти и идентичности» — тесно взаимосвязанные концепты. Историческая память государства и общества вписана в общую структуру коллективных воспоминаний.

В связи с изучением феномена памяти исследователи даже ведут речь об особом темпоральном измерении символической политики и политических коммуникаций, отсылающем нас к трактовке определенных исторических событий во временном политико-событийном контексте, где время понимается как «специфическое “измерение смысла” событий политической коммуникации, когда символическое является замещением “множества” этих событий, являясь их “архивированной” презентацией»²⁶.

Перейдем к последовательному изложению понятийного аппарата интересующей нас проблематики. Термин «коллективная память» относится к совместно разделяемым сообществом воспоминаниям о событиях прошлого²⁷, обозначает образ прошлого, конструируемый политическим субъектом в настоящем²⁸. Коллективная память — это дискурс относительно исторических событий и того, как интерпретировать их, основываясь на текущих социальных и исторических потребностях сообщества²⁹.

Согласно А. Хьюиссену, коллективная память «абсолютно необходима для воображения будущего и для того, чтобы дать социальной жизни прочные временные и пространственные основания, необходимые для воображения, которые в современном информационном обществе разрушаются»³⁰. По его мнению, люди нуждаются как в прошлом, так и в настоящем, чтобы артикулировать свои политические, социальные и культурные недовольства текущим состоянием мира. Воображение же будущего необходимо для поиска возможных альтернатив существующему социальному порядку.

Коллективные воспоминания вписаны в «социальные рамки» (М. Хальбвакс) и формируются, когда люди собираются вместе,

²⁶ *Завершинский К. Ф.* Политическая память как предмет конфликтологических исследований // Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира: Материалы Второго Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. Санкт-Петербург, 3–4 октября 2014 г. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 90.

²⁷ *Hunt N.* Memory, War and Trauma. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 97.

²⁸ *Мегилл А.* История. Память. Идентичность // *Мегилл А.* Историческая эпистемология. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2007. С. 165.

²⁹ *Arnold-de Simine, S.* Memory Traces. 1989 and the Question of German Cultural Identity. Oxford: Peter Lang, 2005. P. 10; *Pakier M., Stråth B.* A European Memory? Contested Histories and Politics of Remembrance. New York; Oxford: Berghahn Books, 2010. P. 7.

³⁰ *Huyssen A.* Present Pasts. Urban Palimpsests and the Politics of Memory. Stanford: Stanford University Press, 2003. P. 6.

чтобы вспомнить и ввести в публичный дискурс сферу реминисценций, выходящих за пределы индивидуальной памяти.

Понятие «коллективная идентичность» относится к чувству сходства, сопричастности и принадлежности к группе, которое сохраняется с течением времени при помощи памяти³¹. Восприятие общего прошлого является определяющим элементом коллективной идентичности. Без общих нарративов прошлого коллективные идентичности не развиваются или остаются эфемерными, квазиидентичностями, что не позволяет сообществу существовать длительное время³².

Особое значение имеет институциональный уровень коллективной памяти³³. Формы институализации памяти, согласно А. Ассман, — важная часть научных исследований, связанных с понятиями «политика прошлого» и «историческая политика»³⁴. Если первая связана с преодолением прошлого, то вторая направлена на формирование доминирующего способа отношения к общему прошлому: это и мероприятия в сфере политического образования, нормативные и законодательные акты, создание мест памяти и системы коммемораций. Политические элиты избирают отдельные дискурсы прошлых событий для создания национальных идентичностей, которые обеспечивают социальную сплоченность.

Национальные идентичности представляют собой тип коллективных идентичностей, сочетающих в себе привязку к определенной территории с этническими, культурными, экономическими, политическими и нормативно-правовыми элементами. Общие исторические воспоминания, мифы, традиции также являются необходимыми компонентами национальной идентичности³⁵. В процессе конструирования национальной идентичности политические элиты предпринимают попытку перестроить подобные воспоминания, мифы и традиции в таком порядке, который наилучшим образом подходит их политическим целям.

А. Ассман предлагает заменить спорное и неопределенное понятие коллективной памяти понятиями социальной, политической или национальной памяти. Все эти понятия так или иначе обозначают

³¹ *Eder K., Spohn W.* Collective Memory and European Identity: the Effects of Integration and Enlargement. Aldershot: Ashgate, 2005. P. 2.

³² *Olick J.K., Vinitzky-Seroussi V., Levy D.* The Collective Memory Reader. New York: Oxford University Press, 2011. P. 177; *Hunt N.* Op. cit. P. 107; *Смит Э.Д.* Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004; *Bell D.* Introduction: Memory, Trauma and World Politics. P. 6.

³³ *Lebow R.N.* Op. cit. P. 13–14.

³⁴ *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 260.

³⁵ *Smith A.* National Identity. London: Penguin, 1991. P. 9–14.

передачу опыта и знаний из поколения в поколение, сопровождающуюся фиксацией в материальных источниках (текстах, визуальных образах, коллективных ритуалах и других коммеморативных практиках), и предполагают работу с идентичностью³⁶.

Под национальной памятью же следует понимать «тип коллективной памяти, разделяемой людьми, которые считают себя обществом, имеющим общую историю, и которые связаны тем, что они вместе вспоминают и забывают»³⁷. Как отметила Майа Зефью, «вспоминание всегда влечет за собой забывание»³⁸, что в политическом контексте означает, что дискурсы о прошлом избирательны и оставляют за пределами публичного пространства элементы, которые не могут быть согласованы с доминирующим нарративом.

Через социальную структуру мыслящие национальными категориями индивиды организуют свою историю и оправдывают национальную государственность. Национальная память распространяется посредством официальных дискурсов и коммемораций, организуемых политическими лидерами и элитами в «местах памяти», а именно — в исторических или псевдоисторических местах, которые напоминают об избранных событиях в национальной памяти. Подобные места памяти в научной литературе именуется также «хронотопами»³⁹, в которых время сгущается в символически организованном пространстве с мифом и идентичностью в центре⁴⁰.

Политические лидеры играют основополагающую роль в конструировании национальной памяти, поскольку они имеют более свободный доступ к средствам массовой информации, что придает их действиям авторитет и убедительность. Другой причиной того,

³⁶ *Ассман А.* Указ. соч. С. 58–61. Ср.: *Гуторов В.А.* О некоторых аспектах формирования политико-философского дискурса в современной России // *ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза.* 2016. Т. 12. № 1. С. 4–28.

³⁷ *Gillis J.* *Commemorations. The Politics of National Identity.* Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 7.

³⁸ *Zehfuss M.* Remembering to Forget, Forgetting to Remember // *Memory, Trauma and World Politics: Reflections on the Relationship between Past and Present* / Ed. D. Bell. New York, Palgrave Macmillan. 2006. P. 213.

³⁹ По аналогии с термином, введенным М.М. Бахтиным для обозначения литературно-художественного «хронотопа»: «Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп» (*Бахтин М.М.* *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике* // *Бахтин М.М.* *Вопросы литературы и эстетики.* М.: Худож. литература, 1975. С. 234–407).

⁴⁰ *Ray L.* *Mourning, Melancholia and Violence* // *Memory, Trauma and World Politics: Reflections on the Relationship between Past and Present* / Ed. D. Bell. New York, Palgrave Macmillan. 2006. P. 139.

что роль лидера является ключевой как в политике памяти, так и в исторической политике, является его образ как представителя народа или конкретного сообщества, в котором он выступает как символический носитель и выразитель свойственных сообществу взглядов и идей, репрезентируемых в публичном пространстве.

Практику распространения дискурсов о прошлом страны условно принято обозначать «политикой памяти». Данную символическую практику мы рассматриваем как один из инструментов проводимой властными элитами символической политики, связанной с социальным конструированием коллективных и политических идентичностей посредством использования ресурсов истории, политической мифологии и исторической памяти⁴¹. Политика памяти осуществляется посредством акторов, использующих свое публичное влияние и известность для продвижения нарративов о прошлом⁴².

В отличие от политики памяти и политизации истории, историческая политика понимается как «интерпретация истории, избранной по политическим, то есть партийным, мотивам, и попытки убедить общественность в правильности такой интерпретации»⁴³. Симптоматично, что понятие *Geschichtspolitik*, вошедшее в немецкий политический лексикон, перекликается с марксистским пониманием идеологии и политических мифов как ложного сознания, т.е. подразумевает навязывание определенных интерпретаций как текущей политической реальности, так и исторических событий. Конечная цель мифологий и отдельных политических мифов в данном контексте основана на негативном понимании функций символической политики, а именно ее скрытой направленности на усиление единства и групповой сплоченности согласно запросам властвующим элит⁴⁴. Задача этой научной школы, ярким представителем которой является Э. Хобсбаум, является раскрытие исторической ложности этих «изобретенных традиций», чтобы просветить угнетенных и дать им возможность следовать своим подлинным интересам⁴⁵. Однако едва ли работа элит с памятью носит однозначно негативный характер, ведь как отмечают исследователи, политическая мифология в

⁴¹ Подробнее см.: *Гигаури Д.И.* Политика памяти в практике социального конструирования политической идентичности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2015. № 10. Ч. 1. С. 59–64.

⁴² *Lebow R.N.* Op. cit. P. 26.

⁴³ *Миллер А.* Россия: власть и история // *Pro et Contra*. 2009. Т. 13. № 3–4. С. 9.

⁴⁴ *Edelman M.* *The Symbolic Uses of Politics*. Urbana: University of Illinois Press, 1964. P. 16–17.

⁴⁵ *Hobsbawm E.J.* *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 1–14; *Хобсбаум Э.* *Нации и национализм после 1780 года*. СПб.: Алетейя, 1998.

структуре символической политики может иметь и ряд социально-интегративных, стабилизирующих и терапевтических функций⁴⁶.

Конечно, память имеет политическое значение прежде всего потому, что она может быть использована политическим руководством, элитами как потенциальный ресурс легитимации своей власти. Например, политики могут сослаться на события, которые играют важную роль в национальной памяти, и строить правдоподобные исторические аналогии, чтобы добиться своей поддержки⁴⁷. Это подтверждают, в частности, исследования публичных речей политиков, в которых зачастую используются историческая риторика, идеи восстановления справедливости для легитимации текущего политического курса⁴⁸.

Более того, характерная для коллективных воспоминаний неоднозначность создает благоприятные условия для манипулирования их смыслами и интерпретациями при формировании национальной идентичности⁴⁹. История XX в. наглядно демонстрирует, как в массовом масштабе политические элиты манипулировали прошлым, а век XXI свидетельствует о том, что набранные ранее обороты манипуляции не снижаются, а только увеличиваются⁵⁰.

Н. Хант отмечает, что манипуляции национальной историей интенсивнее происходили после войн и смены политических режимов, когда новые политические элиты пытались восстановить или создать отсутствовавшую ранее социальную сплоченность. При этом официальные нарративы отражали взгляд на историю только этих элит и исключали все, что ему не соответствовало, например в странах Восточной Европы 1990-х гг. — все связанное с прошлыми коммунистическими режимами⁵¹. Национальные истории приобретали характер триумфальных нарративов, выборочного пересказа

⁴⁶ Поцелуев С.П. «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М.: РАН ИНИОН, 2012. С. 40–46.

⁴⁷ Gildea R. Myth, Memory and Policy in France since 1945 // *Memory and Power in Postwar Europe: Studies in the Presence of the Past* / Ed. J.-W. Müller. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 59; Olick J. Op. cit. P. 122; König H. Erinnern und vergessen. Vom Nutzen und Nachteil für die Politik // *Osteuropa*. 2008. Nr. 6. P. 27–34.

⁴⁸ См., например: Малинова О.Ю. Репертуар политически актуального прошлого в риторике президентов РФ (1991–2014) // *Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности* / Отв. ред. О.Ю. Малинова. М.: РОССПЭН, 2015. С. 128–174.

⁴⁹ См.: Müller J.-W. Introduction: the Power of Memory, the Memory of Power and the Power over Memory // *Memory and Power in Postwar Europe: Studies in the Presence of the Past* / Ed. J.-W. Müller. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 21–22.

⁵⁰ См.: Winter J., Sivan E. Setting the Framework // *War and Remembrance in the Twentieth Century* / Eds. J. Winter, E. Sivan. Cambridge, Cambridge University Press. 1999. P. 6.

⁵¹ Hunt N. Op. cit. P. 110.

прошлого, основанного на случаях, которые стимулировали идентификацию с нацией и таким образом являлись функциональными для выбранного типа конструкции национальной идентичности⁵².

Испытывая постоянное воздействие множества политических, исторических и социальных факторов, коллективные воспоминания и идентичности находятся в динамике и подвержены изменениям. Как утверждает П. Нора, национальные воспоминания постоянно конструируются и реконструируются в избирательном порядке, они находятся в состоянии «постоянной эволюции, являются вечно актуально настоящим феноменом»⁵³.

Последние 20–30 лет этот процесс сопровождался резким всплеском дебатов о публичной памяти в Северной Америке и Европе⁵⁴. Политики пытались использовать эти дебаты для обоснования собственных концепций национальной идентичности⁵⁵. Такое использование политики памяти имело место почти во всех европейских странах после окончания Второй мировой войны и в большинстве стран Центральной и Восточной Европы возобновилось сразу после крушения Советского блока в 1989 г.⁵⁶

Как в 1945, так и в 1989 гг. новые политические элиты нуждались в основополагающих мифах и коллективных воспоминаниях для усиления и поддержания социальной сплоченности в период экономической разрухи и перехода от авторитарных к демократическим формам правления⁵⁷. Это заставило европейские страны искать «пригодное прошлое» в национальной истории и переоформлять его в нарративы, служившие текущим политическим целям⁵⁸. Национальные воспоминания и мифы, которые были сконструированы в Европе после Второй мировой войны и 1989 г., образовали ядро национальной идентичности современных европейских стран. Демократические институты использовали и используют мифологические практики с целью поддержания своей легитимности во

⁵² Eder K., Spohn W. Op. cit. P. 214–215.

⁵³ Nora P. Between Memory and History: *Les Lieux de Mémoire* // Representations. 1989. No. 26. Special Issue: Memory and Counter-Memory. P. 8–9.

⁵⁴ Huyssen A. Op. cit. P. 12–15.

⁵⁵ Olick J.K., Vinitzky-Seroussi V., Levy D. Op. cit. P. 235.

⁵⁶ Ассман А. Указ. соч. С. 285–285; Evans R. Op. cit. P. 5; Judt T. The Past Is Another Country: Myth and Memory in Postwar Europe // The Politics of Retribution in Europe. World War II and Its Aftermath / Eds. I. Deák, J.T. Gross, T. Judt. Princeton: Princeton University Press, 2000. P. 296.

⁵⁷ Müller J.W. Op. cit. P. 7–9.

⁵⁸ См.: Moeller R. War Stories. The Search for a Usable Past in the Federal Republic of Germany. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2001; Torbakov I. History, Memory and National Identity: Understanding the Politics of History and Memory Wars in Post-Soviet Lands // Demokratizatsiya. 2011. Vol. 19. No. 3. P. 209–232.

многим благодаря тому, что в общественном сознании по-прежнему преобладают авторитарные стереотипы⁵⁹.

Д. Белл предложил концептуальную схему, позволяющую определить взаимосвязь мифа и исторической памяти. Понятие памяти он предлагает трактовать более узким образом, как «социально оформленную собственность индивидуальных умов... индивидуалистический психологический феномен постольку, поскольку память — это феномен, которым только отдельные индивиды могут владеть должным образом»⁶⁰. Совместно разделяемые репрезентации прошлого «не следует рассматривать как действительно мнемонические. Вместо этого они должны восприниматься как мифические»⁶¹.

Ни в одном обществе не существует единственно верного и безусловно принимаемого всеми исторического нарратива. Руководящий миф всегда «сосуществует и постоянно оспаривается подчиненными мифами»⁶². Всеобщая «тотальность мифов в пределах любого заданного сообщества» составляет мифопанораму, которая понимается как «дискурсивное пространство, в котором различные мифы сообщества создаются и оспариваются»⁶³. Историческая политика государства, включающая в себя различные коммеморативные практики, должна рассматриваться как составляющая часть мифопанорамы.

Д. Белл изложил основу этического ограничения проводимой государством исторической политики, которая одновременно признает одни мифы и бросает вызов другим, воспроизводимым в публичном пространстве. Он утверждает, что все мифы заслуживают того, чтобы быть признанными на публичном уровне в том смысле, что их содержание и историческая точность не должны быть основой для их исключения или подавления⁶⁴. Задача государства, таким образом, видится не в проецировании определенной версии прошлого, которая легитимирует существующие институты и увековечивает «мирный социальный порядок», а в установлении институциональных возможностей для свободного публичного пространства, в котором мифы могли бы открыто противостоять друг другу, т.е. имели бы место конкурирующие смыслы и социальные представления о прошлом.

⁵⁹ Гуторов В.А. О некоторых аспектах формирования политико-философского дискурса в современной России. С. 10.

⁶⁰ Bell D. Mythscapes: Memory, Mythology, and National Identity // *British Journal of Sociology*. 2003. Vol. 54. No. 1. P. 72.

⁶¹ Ibid. P. 65.

⁶² Ibid. P. 74.

⁶³ Bell D. *Agonistic Democracy and the Politics of Memory*. P. 151.

⁶⁴ Ibid. P. 153.

Подобная этическая установка исследователя не выделяет какой-либо конкретный миф (даже основополагающий, руководящий) для последующей его критики, но поощряет критическое отношение ко всем историческим нарративам. Данное видение указывает на то, что люди не являются только продуктами и пленниками мифологий, но до определенной степени способны критически оценивать и бросать мифам вызов.

Однако трудно представить себе ситуацию, в которой государство отступает от мифопанорамы и принципов символической политики, воздерживаясь от продвижения своих нарративов и появления альтернативных. Дискриминационные тенденции мифологий, однако, могут быть успешно преодолены, если индивиды будут более осведомлены о неопределенности и сложности исторического опыта прошлого, а также смогут овладеть необходимым инструментарием, который помог бы им занять более критическую позицию по отношению к упрощенным описательным историческим нарративам.

ЛИТЕРАТУРА

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. литература, 1975. С. 234–407.

Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

Бурдые П. О символической власти // *Бурдые П.* Социология социального пространства. М., СПб.: Алетейя, 2007. С. 87–96.

Гигаури Д.И. Политика памяти в практике социального конструирования политической идентичности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2015. № 10. Ч. 1. С. 59–64.

Гуторов В.А. «Русский вопрос» и Первая мировая война: о некоторых тенденциях современных интерпретаций // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. 2014. Т. 10. № 2. С. 21–29.

Гуторов В.А. К вопросу о происхождении государства: парадоксы и аномалии современных интерпретаций // Полис: Политические исследования. 2014. № 3. С. 91–110.

Гуторов В.А. О некоторых аспектах формирования политико-философского дискурса в современной России // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. 2016. Т. 12. № 1. С. 4–28.

Гуторов В.А. Россия в Первой мировой войне: традиция русской общественно-политической мысли в свете современных интерпретаций // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. Вып. 4. С. 384–403.

Дейк Т.А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.

Заверишинский К.Ф. Политическая память как предмет конфликтологических исследований // Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира:

Материалы Второго Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. Санкт-Петербург, 3–4 октября 2014 г. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 89–91.

Машинова О.Ю. Репертуар политически актуального прошлого в риторике президентов РФ (1991–2014) // Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / Отв. ред. О.Ю. Машинова. М.: РОССПЭН, 2015. С. 128–174.

Мецилл А. История. Память. Идентичность // *Мецилл А.* Историческая эпистемология. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2007. С. 165.

Мирия А. Россия: власть и история // *Pro et Contra*. 2009. Т. 13. № 3–4. С. 6–23.

Поцелуев С.П. «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М.: РАН ИНИОН, 2012. С. 40–46.

Смит Э.Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004.

Сорель Ж. Размышления о насилии. М.: Фаланстер, 2013.

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 1998.

Arnold-de Simine, S. Memory Traces. 1989 and the Question of German Cultural Identity. Oxford: Peter Lang, 2005.

Assmann J. Collective Memory and Cultural Identity // *New German Critique*. 1995. No. 65. P. 125–133.

Astrid E. Travelling Memory // *Parallax*. 2011. Vol. 17. No. 4. P. 4–18.

Bell D. Agonistic Democracy and the Politics of Memory // *Constellations*. 2008. Vol. 15. No. 1. P. 148–166.

Bell D. Introduction: Memory, Trauma and World Politics // *Memory, Trauma and World Politics: Reflections on the Relationship between Past and Present* / Ed. D. Bell. New York: Palgrave, 2006. P. 1–32.

Bell D. Mythscapes: Memory, Mythology, and National Identity // *British Journal of Sociology*. 2003. Vol. 54. No. 1. P. 63–81.

Callahan W.A. History, Identity and Security: Producing and Consuming Nationalism in China // *Critical Asian Studies*. 2006. Vol. 38. No. 2. P. 179–208.

Cassirer E. The Technique of the Modern Political Myths // *Cassirer E.* The Myth of the State. New Haven: Yale University Press, 1946. P. 277–296.

Edelman M. The Symbolic Uses of Politics. Urbana: University of Illinois Press, 1964.

Eder K., Spohn W. Collective Memory and European Identity: the Effects of Integration and Enlargement. Aldershot: Ashgate, 2005.

Eller J.D. From Culture to Ethnicity to Conflict: An Anthropological Perspective on International Ethnic Conflict. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1999.

Evans R. Introduction: Redesigning the Past: History in Political Transitions // *Journal of Contemporary History*. 2003. Vol. 38. No. 1. P. 5–12.

Feindt G. Entangled Memory: Toward a Third Wave in Memory Studies // *History and Theory*. 2014. Vol. 53. No. 1. P. 24–44.

Fine G. Difficult Reputations: Collective Memories of the Evil, Inept, and Controversial. Chicago: University of Chicago Press, 2001.

Gildea R. Myth, Memory and Policy in France since 1945 // *Memory and Power in Postwar Europe: Studies in the Presence of the Past* / Ed. J.-W. Müller. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 59–75.

Gillis J. Commemorations. The Politics of National Identity. Princeton: Princeton University Press, 1994.

Gong G.W. Memory and History in East and Southeast Asia. Washington: The CSIS Press, 2001.

- Halbwachs M.* On Collective Memory. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
- Hobsbawm E.J.* The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Hunt N.* Memory, War and Trauma. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Huyssen A.* Present Pasts. Urban Palimpsests and the Politics of Memory. Stanford: Stanford University Press, 2003.
- Judt T.* The Past Is Another Country: Myth and Memory in Postwar Europe // The Politics of Retribution in Europe. World War II and Its Aftermath / Eds. I. Deák, J.T. Gross, T. Judt. Princeton: Princeton University Press, 2000. P. 293–324.
- König H.* Erinnern und vergessen. Vom Nutzen und Nachteil für die Politik // Osteuropa. 2008. Nr. 6. P. 27–34.
- Kubal T.* Cultural Movements and Collective Memory: Christopher Columbus and the Rewriting of the National Origin Myth. New York: Palgrave Macmillan, 2008.
- Lebow R.N.* The Memory of Politics in Postwar Europe // The Politics of Memory in Postwar Europe / Eds. R.N. Lebow, W. Kansteiner, C. Fogu. Durham: Duke University Press, 2006. P. 1–39.
- Lowenthal D.* The Past Is a Foreign Country. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Megill A.* Historical Knowledge, Historical Error: A Contemporary Guide to Practice. Chicago: University of Chicago Press, 2007.
- Moeller R.* War Stories. The Search for a Usable Past in the Federal Republic of Germany. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2001.
- Müller J.-W.* Introduction: the Power of Memory, the Memory of Power and the Power over Memory // Memory and Power in Postwar Europe: Studies in the Presence of the Past / Ed. J.-W. Müller. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 1–38.
- Nora P.* Between Memory and History: *Les Lieux de Mémoire* // Representations. 1989. No. 26. Special Issue: Memory and Counter-Memory. P. 7–24.
- Olick J.K.* The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility. New York: Routledge, 2007.
- Olick J.K., Vinitzky-Seroussi V., Levy D.* The Collective Memory Reader. New York: Oxford University Press, 2011.
- Pakier M., Stråth B.* A European Memory? Contested Histories and Politics of Remembrance. New York; Oxford: Berghahn Books, 2010.
- Pennebaker J.* Introduction // Collective Memory of Political Events / Eds. J.W. Pennebaker, D. Paez, B. Rimé. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. P. VII–XI.
- Ray L.* Mourning, Melancholia and Violence // Memory, Trauma and World Politics: Reflections on the Relationship between Past and Present / Ed. D. Bell. New York, Palgrave Macmillan. 2006. P. 135–154.
- Rousso H.* The History of Memory: Brief Reflections on an Overloaded Field // Clashes in European Memory: The Case of Communist Repression and the Holocaust / Eds. M. Blaive, C. Gerbel, and T. Lindenberger. Innsbruck: Studienverlag, 2011. P. 131–138.
- Smith A.* National Identity. London: Penguin, 1991.
- Smith A.D.* The Ethnic Origins of Nations. Oxford: Basil Blackwell, 1986.
- Smith A.D.* The Ethnic Revival. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Torbakov I.* History, Memory and National Identity: Understanding the Politics of History and Memory Wars in Post-Soviet Lands // Demokratizatsiya. 2011. Vol. 19. No. 3. P. 209–232.

Volkan V.D. *Bloodlines: From Ethnic Pride to Ethnic Terrorism*. New York: Farrar, Straus & Giroux, 1997.

Winter J., Sivan E. *Setting the Framework // War and Remembrance in the Twentieth Century* / Eds. J. Winter, E. Sivan. Cambridge, Cambridge University Press. 1999. P. 1–39.

Zehfuss M. *Remembering to Forget, Forgetting to Remember // Memory, Trauma and World Politics: Reflections on the Relationship between Past and Present* / Ed. D. Bell. New York, Palgrave Macmillan. 2006. P. 213–230.

REFERENCES

Arnold-de Simone, S. *Memory Traces. 1989 and the Question of German Cultural Identity*. Oxford: Peter Lang, 2005.

Assmann, A. *Diinnaia ten' proshlogo: Memorial'naiia kul'tura i istoricheskaiia politika*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014.

Assmann, J. "Collective Memory and Cultural Identity," *New German Critique*, No. 65, 1995, pp. 125–133.

Astrid, E. "Travelling Memory," *Parallax*, Vol. 17, No. 4, 2011, pp. 4–18.

Bakhtin, M. M. "Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poetike," Idem. *Voprosy literatury i estetiki*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1975, pp. 234–407.

Bell, D. "Agonistic Democracy and the Politics of Memory," *Constellations*, Vol. 15, No. 1, 2008, pp. 148–166.

Bell, D. "Introduction: Memory, Trauma and World Politics," *Memory, Trauma and World Politics: Reflections on the Relationship between Past and Present*, ed. D. Bell. New York: Palgrave, 2006, pp. 1–32.

Bell, D. "Mythscape: Memory, Mythology, and National Identity," *British Journal of Sociology*, Vol. 54, No. 1, 2003, pp. 63–81.

Bourdieu, P. "O simvolicheskoi vlasti," Idem. *Sotsiologiia sotsial'nogo prostranstva*. Moscow; St. Petersburg: Aleteia, 2007, pp. 87–96.

Brubaker, R. *Etnichnost' bez grupp*. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2012.

Callahan, W. A. "History, Identity and Security: Producing and Consuming Nationalism in China," *Critical Asian Studies*, Vol. 38, No. 2, 2006, pp. 179–208.

Cassirer, E. "The Technique of the Modern Political Myths," Idem. *The Myth of the State*. New Haven: Yale University Press, 1946, pp. 277–296.

Deik, T. A. *Diskurs i vlast': reprezentatsiia dominirovaniia v iazyke i kommunikatsii*. Moscow: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2013.

Edelman, M. *The Symbolic Uses of Politics*. Urbana: University of Illinois Press, 1964.

Eder, K., and Spohn, W. *Collective Memory and European Identity: the Effects of Integration and Enlargement*. Aldershot: Ashgate, 2005.

Eller, J. D. *From Culture to Ethnicity to Conflict: An Anthropological Perspective on International Ethnic Conflict*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1999.

Evans, R. "Introduction: Redesigning the Past: History in Political Transitions," *Journal of Contemporary History*, Vol. 38, No. 1, 2003, pp. 5–12.

Feindt, G. "Entangled Memory: Toward a Third Wave in Memory Studies," *History and Theory*, Vol. 53, No. 1, 2014, pp. 24–44.

Fine, G. *Difficult Reputations: Collective Memories of the Evil, Inept, and Controversial*. Chicago: University of Chicago Press, 2001.

Gigauri, D. I. "Politika pamiati v praktike sotsial'nogo konstruivaniia politicheskoi identichnosti," *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie: Voprosy teorii i praktiki*, No. 10, Iss. 1, 2015, pp. 59–64.

Gildea, R. "Myth, Memory and Policy in France since 1945," *Memory and Power in Postwar Europe: Studies in the Presence of the Past*, ed. J.-W. Müller. Cambridge: Cambridge University Press, 2002, pp. 59–75.

Gillis, J. *Commemorations. The Politics of National Identity*. Princeton: Princeton University Press, 1994.

Gong, G. W. *Memory and History in East and Southeast Asia*. Washington: The CSIS Press, 2001.

Gutorov, V. A. "'Russkii vopros' i Pervaia mirovaia voina: o nekotorykh tendentsiakh sovremennykh interpretatsii," *POLITEKS: Politicheskaiia ekspertiza*, Vol. 10, No. 2, 2014, pp. 21–29.

Gutorov, V. A. "K voprosu o proiskhozhdenii gosudarstva: paradoksy i anomalii sovremennykh interpretatsii," *Polis: Politicheskie issledovaniia*, No. 3, 2014, pp. 91–110.

Gutorov, V. A. "O nekotorykh aspektakh formirovaniia politiko-filosofskogo diskursa v sovremennoi Rossii," *POLITEKS: Politicheskaiia ekspertiza*, Vol. 12, No. 1, 2016, pp. 4–28.

Gutorov, V. A. "Rossiia v Pervoi mirovoi voine: traditsiia russkoi obshchestvenno-politicheskoi mysli v svete sovremennykh interpretatsii," *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, Vol. 16, No. 4, 2015, pp. 384–403.

Halbwachs, M. *On Collective Memory*. Chicago: University of Chicago Press, 1992.

Hobsbawm, E. J. *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda*. St. Petersburg: Aleteiia, 1998.

Hobsbawm, E. J. *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Hunt, N. *Memory, War and Trauma*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

Huyssen, A. *Present Pasts. Urban Palimpsests and the Politics of Memory*. Stanford: Stanford University Press, 2003.

Judt, T. "The Past Is Another Country: Myth and Memory in Postwar Europe," *The Politics of Retribution in Europe. World War II and Its Aftermath*, eds. I. Deák, J.T. Gross, T. Judt. Princeton: Princeton University Press, 2000, pp. 293–324.

König, H. "Erinnern und vergessen. Vom Nutzen und Nachteil für die Politik," *Osteuropa*, Nr. 6, 2008, pp. 27–34.

Kubal, T. *Cultural Movements and Collective Memory: Christopher Columbus and the Rewriting of the National Origin Myth*. New York: Palgrave Macmillan, 2008.

Lebow, R. N. "The Memory of Politics in Postwar Europe," *The Politics of Memory in Postwar Europe*, eds. R.N. Lebow, W. Kansteiner, C. Fogu. Durham: Duke University Press, 2006, pp. 1–39.

Lowenthal, D. *The Past Is a Foreign Country*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Malinova, O. Iu. "Repertuar politicheskoi aktual'nogo proshlogo v ritorike prezidentov RF (1991–2014)," *Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaiia politika vlastvuiushchei elity i dilemmy rossiiskoi identichnosti*, ed. O.Iu. Malinova. Moscow: ROSSPEN, 2015, pp. 128–174.

Megill, A. "Istoriia. Pamiat'. Identichnost'," Idem. *Istoricheskaiia epistemologiia*. Moscow: Kanon+; ROOI "Reabilitatsiia", 2007, pp. 165.

Megill, A. *Historical Knowledge, Historical Error: A Contemporary Guide to Practice*. Chicago: University of Chicago Press, 2007.

- Miller, A. "Rossiia: vlast' i istoriia," *Pro et Contra*, Vol. 13, No. 3–4, 2009, pp. 6–23.
- Moeller, R. *War Stories. The Search for a Usable Past in the Federal Republic of Germany*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2001.
- Müller, J.-W. "Introduction: the Power of Memory, the Memory of Power and the Power over Memory," *Memory and Power in Postwar Europe: Studies in the Presence of the Past*, ed. J.-W. Müller. Cambridge: Cambridge University Press, 2002, pp. 1–38.
- Nora, P. "Between Memory and History: *Les Lieux de Mémoire*," *Representations*, No. 26: Special Issue: Memory and Counter-Memory, 1989, pp. 7–24.
- Olick, J. K. *The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility*. New York: Routledge, 2007.
- Olick, J. K., Vinitzky-Seroussi, V., and Levy, D. *The Collective Memory Reader*. New York: Oxford University Press, 2011.
- Pakier, M., and Stråth, B. *A European Memory? Contested Histories and Politics of Remembrance*. New York; Oxford: Berghahn Books, 2010.
- Pennebaker, J. "Introduction," *Collective Memory of Political Events*, eds. J.W. Pennebaker, D. Paez, B. Rimé. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, 1997, pp. VII–XI.
- Potseluev, S. P. " 'Simvolicheskaiia politika': k istorii kontsepta," *Simvolicheskaiia politika*, Vol. 1: Konstruirovaniie predstavlenii o proshlom kak vlastnyi resurs. Moscow: RAN INION, 2012, pp. 40–46.
- Ray, L. "Mourning, Melancholia and Violence," *Memory, Trauma and World Politics: Reflections on the Relationship between Past and Present*, ed. D. Bell. New York, Palgrave Macmillan. 2006, pp. 135–154.
- Rouso, H. "The History of Memory: Brief Reflections on an Overloaded Field," *Clashes in European Memory: The Case of Communist Repression and the Holocaust*, eds. M. Blaive, C. Gerbel, and T. Lindenberger. Innsbruck: Studienverlag, 2011, pp. 131–138.
- Smith, A. D. *Natsionalizm i modernizm: Kriticheskii obzor sovremennykh teorii natsii i natsionalizma*. Moscow: Praksis, 2004;
- Smith, A. D. *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford: Basil Blackwell, 1986.
- Smith, A. D. *The Ethnic Revival*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Smith, A. *National Identity*. London: Penguin, 1991.
- Sorel, G. *Razmyshleniia o nasilii*. Moscow: Falanster, 2013.
- Torbakov, I. "History, Memory and National Identity: Understanding the Politics of History and Memory Wars in Post-Soviet Lands," *Demokratizatsiia*, Vol. 19, No. 3, 2011, pp. 209–232.
- Volkan, V. D. *Bloodlines: From Ethnic Pride to Ethnic Terrorism*. New York: Farrar, Straus & Giroux, 1997.
- Winter, J., and Sivan, E. "Setting the Framework," *War and Remembrance in the Twentieth Century*, eds. J. Winter, E. Sivan. Cambridge, Cambridge University Press. 1999, pp. 1–39.
- Zavershinskii, K. F. "Politicheskaiia pamiat' kak predmet konfliktologicheskikh issledovaniï," *Konfliktologii XXI veka. Puti i sredstva ukrepleniia mira: Materialy Vtorogo Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo kongressa konfliktologov*. Sankt-Peterburg, 3–4 oktiabria 2014 goda. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2014, pp. 89–91.
- Zehfuss, M. "Remembering to Forget, Forgetting to Remember," *Memory, Trauma and World Politics: Reflections on the Relationship between Past and Present*, ed. D. Bell. New York, Palgrave Macmillan. 2006, pp. 213–230.